

**Кучковский Павел Валерьевич**

аспирант

ФГБОУ ВО «Омский государственный

педагогический университет»

г. Омск, Омская область

## **СОФИСТИКА – ПАРАДОКСАЛЬНАЯ ДОЧЬ ДИАЛЕКТИКИ**

***Аннотация:** в статье ставится задача рассмотреть связь между софистикой и диалектикой на основе материала, предлагаемого в основном советскими исследователями, и охарактеризовать специфичность данного подхода к разбираемой проблеме. Автором осуществлена попытка выявить связь между античной софистикой и диалектикой. Также зафиксирована идея о повторяемости явления софистики в истории философии, указана роль софистов как древних просветителей. В итоге выдвинуто предположение, что софистика есть парадоксальная форма мышления, зародившаяся в лоне диалектики, но затем осознавшая свою индивидуальность и пошедшая своим сложным путем в истории философии.*

***Ключевые слова:** парадоксальность, софистика, релятивизм, истина, мнение, изменчивость, субъективность, объективность, диалектика, античность.*

Начнем с того парадоксального факта, что отношения между софистикой и диалектикой, несмотря на обилие литературы по этой теме, до сих пор остаются до конца не проясненными. Кроме того, в наше время, когда в общем видении мира у людей созрело ощущение глубокой противоречивости всего нашего существования, связанного в частности со столкновением с так называемыми «глобальными проблемами человечества». Здесь естественным образом возрос интерес к софистике и диалектике – философским концепциям в основании которых лежит идея о противоречивости как бытия, так и мышления. Мы беремся за решение этой привлекательной задачи, а насколько будет успешным результат, как всегда, судить вам.

Начнем с общей характеристики софистики Георга Абеловича Брутяна – армянского и советского ученого и общественного деятеля, академика Академии наук Армянской ССР, основателя и президента Армянской философской академии: «Круг интересующих их научно-педагогических проблем был весьма широк. Не было ни одной области науки, которой бы не интересовались софисты. Они вошли в историю философии как энциклопедисты античного мира. Однако при всем многообразии предметов их исследования, круг интересующих их вопросов составлял одну нерасчленённую область науки, где переплетались различные взгляды: философские, политические, естественно-научные» [1, с. 5]. Здесь идет речь о том, что софисты являлись учеными и просветителями греческого мира! Эта мысль нам безусловно импонирует!

Также общие, а к тому же еще важные и интересные суждения о софистах приводит Генрих Николаевич Волков (1933–1993) – советский учёный-*философ* и публицист: «Первоначально название «софист» не носило отрицательного смысла, буквально оно означало «мастер слова» и «учитель мудрости» [5, с. 159]. И далее продолжает: «Софисты были людьми остроумными, талантливыми и очень практичными. Они первыми почувствовали силу логических доводов, силу убеждения, слова и постарались сделать из этого настоящее искусство, дающее почти магическую власть над людьми» [5, с. 162]. Подводит некий итог: «Их скептицизм носил убийственный характер для традиционного склада мыслей. И это имело как отрицательные, так и положительные последствия для исторических судеб античной культуры» [5, с. 162]. Здесь опять софисты предстают перед нами как просветители!

С этими выводами также согласна Валентина Гагиковна Осипова: «Действительно, софисты были прежде всего просветителями, ибо само их появление было обусловлено эпохой высочайшего внутреннего расцвета Греции» [11, с.10]. И дополняет: «Они заострили внимание на роли мышления в процессе познания, на привхождение субъекта с его целями и намерениями в картину мира» [11, с. 22]. Далее она замечательно пишет о софистах: «Вне всякого сомнения, греческие мыслители сыграли большую, глубоко положительную роль в истории развития

человеческой мысли. Однако история обошлась с ними несколько несправедливо. Не имея в самом начале зарождения никакого момента неодобрения, название «софист» постепенно приобретает таковой» [11, с. 11]. И раскрывает этот момент: «Лишь во второй половине V века до н. э. слово «софист» стало кличкой философов-профессионалов, учителей мудрости и красноречия. Соответственно термин «софист» приобретал различные смысловые оттенки: вначале он обозначал просто «человека науки», а затем – «учителя науки», а позже – «оплачиваемого учителя риторики» [11, с. 9]. Софисты не дураки и не подлецы! Они стали жертвами своей собственной парадоксальности!

Далее рассмотрим оценку софистики с позиции традиционной для советской философской парадигмы. Начнем, собственно, с фиксации сходства и различия между софистикой и диалектикой. Итак, во-первых: «Софистика же, всячески стремясь извратить истину, в противоположность диалектике искажает взаимосвязь и взаимообусловленность явлений, произвольно выхватывает то одно, то другое явление из всей цепи событий» [1, с. 13]. Во-вторых: «Софистика на словах как будто признает изменение, движение» [1, с. 15]. В-третьих: «Произвольно выхватывает и абсолютизирует один момент этого процесса – движение, развитие, а о том, что движется, что развивается софистика намеренно умалчивает» [1, с. 16]. В-четвертых: «Уродливо абсолютизируя понимание изменчивости вещей и явлений объективной действительности, софисты всех времен выступали против их конкретного рассмотрения. Софисты вообще не признают конкретность, определенность предметов действительности» [1, с. 17]. В-пятых: «Софистика абсолютизирует переходы от одного качественного состояния в другое, независимо от того, имеются ли все взаимозависимости для такого перехода» [1, с. 18]. В-шестых: «Софистика умышленно подменяет диалектическое противоречие противоречием неправильного рассуждения» [1, с. 19]. Пока оставим это без комментариев.

Оригинальную форму изложения диалектического материализма использовал Артавазд Михайлович Минасян (1913–1933) – философ, специалист в обла-

сти диалектической логики, в форме дискуссии. Приведем несколько самых интересных на наш взгляд цитат. «Софистика: Что такое диалектический материализм? – Диалектика: Диалектический материализм является наукой о мышлении. Софистика: Тогда чем он отличается от логики? – Диалектика: Логика – это наука о формах мышления, а диалектический материализм – это наука о содержании мышления» [4, с. 17]. Следующее: «Софистика: Как происходит раздвоение единого? – Диалектика: Раздвоение единого выступает как отрицание единого раздвоенным, что означает обогащение определениями, конкретизацию первоначального абстрактного, бедного содержанием внешнего знакомства с единством. Раздвоение единого – единственная возможность, условие проникновения мышления во внутрь единства и просвечивания внутренних его связей и процессов» [4, с. 75]. Развитие: «Софистика: Единство раздваивается на две стороны, на две противоположности. Следовательно, всесторонний охват единства познанием может выражаться в рассмотрении его этих сторон по формуле – «с одной стороны, с другой стороны» [4, с. 78]. И продолжает: «Софистика: Как же можно говорить об определенной сущности единства если и сущность, и единство, и его противоположности изменчивы, подвижны, к тому же взаимно превращаются друг в друга?» [4, с. 80]. А вот ответ: «Диалектика: Это конкретное тождество» [4, с. 82]. И далее: «Диалектика: Диалектика как логика исходит из того фундаментального принципа, что всякое действительное, материальное и идеальное тождество есть тождество противоположностей. Оно в сущности есть совпадение, взаимопроникновение, равнодействие, взаимодействие противоположностей. Это такое тождество, которое невозможно, немислимо без различия в себе, которое заключает внутри себя различие и само в себе есть различие, ибо говоря, что оно есть тождество противоположностей, мы тем самым признаем, что оно есть тождество различий или различенных противоположностей» [4, с. 83]. На самом деле, эти размышления вызывают уважение, так же, как и сама идея представить беседу софистики с диалектикой в виде некоего педагогического или скорее дидактического процесса. Здесь, на наш взгляд, имплицитно присутствует мысль о том, что софистика – это запутавшаяся дочь диалектики!

Далее вернемся к нашему первому автору: «Доказать какой-либо тезис – это значит показать его истинность – его соответствие объективной действительности. Полное и ясное доказательство всякого положения с необходимостью приводит и к убеждению в его истинности» [1, с. 9]. И продолжает свою мысль: «Подмена доказывания убеждением, логики риторикой является характерной чертой не только для античных софистов» [1, с. 9]. Здесь Г.А. Брутян говорит о том, что сила риторики заключается в убеждении, а логики – в доказательстве. На это есть изящное возражение Г.Н. Волкова: «Софисты готовы были идти за логикой доказательств, куда бы она ни вела, и объявлять истинным любое утверждение, которое удавалось обосновать» [5, с. 160]. Он говорит о том качестве софистов, которое знаменитый философ Бертран Рассел назвал «интеллектуальной честностью»!

Также видим здесь указание на историчность софистики. Об этом в свою очередь пишет Валерий Павлович Кохановский – специалист по диалектике и методологии познания: «Начиная с древней Греции, софистика повторялась во все последующие эпохи, однако исторические формы ее были различны» [3, с. 33]. Затем превосходно дополняет: «И если античная софистика при всей своей неоднозначности имела целый ряд рациональных моментов (сознательное исследование мышления самого по себе: сознание его силы, противоречий и типичных ошибок; стремление развить в себе гибкость, подвижность мышления, придать ему диалектический характер; попытка с помощью такого мышления разрушить все устойчивое, раскачать конечное; подчеркивание активной роли субъекта в познании; анализ возможностей слова, языка и т. д. ), то этого нельзя сказать о современной софистике» [3, с. 33–34]. Софисты молодцы!

Теперь приведем все найденные нами устоявшиеся негативные оценки софистики, софистов и софизмов. Сначала Г.А. Брутян. Итак, во-первых: «Подмена опровергаемого или доказываемого тезиса является одним из распространенных приемов софистов» [1, с. 31]. Во-вторых: «Нередко можно встретить софизмы, основанные на двусмысленном употреблении какого-либо термина в ходе доказывания» [1, с. 36]. В-третьих: «Не менее распространенным софизмом

является тот прием доказывания, когда в качестве основания доказываемого тезиса берут именно тот же тезис» [1, с. 41]. В-четвертых: «Сознательно выдать простое объяснение слова, его филологическое толкование за определение – это значит прибегнуть к софистическому ухищрению» [1, с. 46].

Добавим к этому критическое замечание некоего Г.В. Карамышева: «Софистика, софизм, софист – понятия одного корня. Обычно софизмом называют конкретный случай, результат применения какого-либо приема софистики» [2, с. 5].

Прибавим к этому понимание софизма В.Г. Осиповой: «Он всегда, как правило, выступает как рассуждение активное, ориентированное на собеседника, имеющее целью убедить или переубедить его в чем-либо» [11, с. 27]. Хочется прокомментировать фразой: «Эх, узнаю, зануду, Аристотеля...»

Однако, мы считаем, что сами софисты рассматривали софизмы просто как остроумные шутки, с которыми они выступали на публичных лекциях. Это подтверждает Г.Н. Волков: «Можете себе представить, какими взрывами веселья и хохота сопровождалась такая вот фокусы и кунштюки софистов, любивших вести беседы при большом стечении народа» [5, с. 161]. И делает принципиально важный для нас вывод: «Софистика вышла непосредственно из искусства спорить, убеждать, вести полемику, в этом смысле она родная дочь диалектики» [5, с. 159]. Что и требовалось доказать!

Уже упоминавшийся выше Г.В. Карамышев размышляет о софистике и парадоксе следующим негативным образом: «Не совпадает по содержанию с софистикой и парадокс – положение, правильное в формально-логическом отношении, но противоречащее общепринятым представлениям» [2, с. 5]. И так же безапелляционно продолжает: «И не только парадокс, но и антиномия – противоречивое отношение между двумя взаимоисключающими понятиями или суждениями, истинность каждого из которых в одинаковой степени может быть логически доказана» [2, с. 5]. Позволим себе оспорить эти его выводы. Как уже было показано нами в двух других статьях: «Софисты – парадокс греческого просвещения» и «Апология софистов – открывателей парадоксов», софисты использовали парадоксы в качестве «приема» в обучении. В этом случае «применения»

парадокс оказывал шокирующее воздействие на обучающегося и способствовал глубокому пониманию противоречивости самого существования человека и осознания его в мышлении. Тогда парадокс как раз демонстрирует диалектическую природу софистики!

Здесь далее приведем цитаты того же автора: «Софисты отталкивались от текучести, изменчивости, взаимоопределяемости всего сущего, что было установлено ранними античными диалектиками» [5, с. 159]. И продолжает: «Но эта относительность у них превратилась в абсолютный релятивизм, текучесть – в неуловимость, становление бытия – в его иллюзорность, призрачность» [5, с. 159]. Эта «абсолютизация релятивизма» строго говоря лишь постулируется и никем так и не была доказана...

В этом месте возникает необходимость раскрыть релятивизм софистов. Как пишет Г.В. Карамышев: «Взгляды Кратила в наиболее развитой форме представлены в философии основателя школы софистов – Протагора. На релятивистски воспринимаемую действительность он накладывал субъективизм познающего индивидуума. Субъективистски применяя гибкость понятий, он мог доказывать любые недоказуемые положения, опровергать опровергнутое и т. д. Если познающий субъект может по-своему трактовать изменяющуюся в каждое мгновение действительность, то таким образом закрывается путь к объективной истине. В таком случае могут существовать лишь относительные истины. Подобный субъективизм обосновывает эклектически-плюралистический подход к истине, точнее, – к различным «истинам», каждая из которых может противоречить другим. Субъективизм, наложенный на релятивизм, заводит в тупик познания» [2, с. 11].

Сравним с часто цитируемым в советский период развития отечественной философии из Ленина: «Ибо положить релятивизм в основу теории познания, значит неизбежно осудить себя либо на абсолютный скептицизм, агностицизм и софистику, либо на субъективизм. Релятивизм, как основа теории познания, есть не только признание относительности наших знаний, но и отрицание какой бы то ни было объективной, независимо от человечества существующей, мерки или модели, к которой приближается наше относительное познание. С точки зрения

голою релятивизма можно оправдать всякую софистику, можно признать «условным», умер ли Наполеон 5-го мая 1821 года или не умер, можно простым «удобством» для человека или для человечества объявить допущение рядом с научной идеологией («удобна» в одном отношении) религиозной идеологии (очень «удобной» в другом отношении) и т. д.» [8, с. 139]. Как видно из приведенной большой цитаты, В.И. Ленин пишет просто, красочно и заметно интереснее, чем его пересказчики!

Далее Г.В. Карамышев обрисовывает проблему, связанную с одной из считающихся характерной черт софистов как релятивизм, проявившиеся в наше время: «Релятивизм древних греков наследуется в XX веке современными формами. Если абсолютизировать или даже преувеличивать изменчивость (а ныне все более заметна тенденция в ее нарастании) предметов и явлений, их бесконечной многообразии, уникальности, не позволяющие подвести их под более общее понятие, сделать некоторое обобщение, то, следовательно, в них – нет абсолютного и о них нельзя сказать ничего утвердительно. В таком случае нельзя сделать и шага по пути к объективно истинному знанию» [2, с. 11–12]. Это возможно правильно с позиций диалектического материализма как единственно верной философской системы. Сейчас в эпоху всеобщего плюрализма это уже представляется по-иному. Автор явно сгущает краски...

В.П. Кохановский все-таки находит положительные черты в софистике. Читаем: «Видимо, можно говорить о том, что именно софисты создали определенные предпосылки для возникновения формальной логики, которая в виде логики Аристотеля стала ответом на насущные запросы того времени. Заслуга Аристотеля состояла в том, что он сделал серьезную попытку систематизации софистических приемов, противопоставив им принципы формальной логики и – в начальной форме – диалектики. Это составило основу для разоблачения тайны искусства софистов вводить людей в заблуждение» [3, с. 33]. Последнее – устаревшее сомнительное оценочное суждение.

Вообще говоря, для анализа античной софистики нужно было бы привести античных авторов и в первую очередь Аристотеля с Платоном, но это задача уже

другой статьи. К тому же суждения как Платона, так и Аристотеля не лишены идеологической подоплеки как указывают советские авторы. Как пишет Г.А. Брутян: «Правда, нельзя считать, что все сообщения древних авторов о софистах являются беспристрастными. Например, Платон, как выразитель реакционной идеологии рабовладельческой аристократии, пытается всячески очернить софистов и в первую очередь софистов демократической группы за их воззрения» [1, с. 10]. Дополняет его В.Г. Осипова: «Бесспорно, что главную роль в дурной славе софистов сыграло то обстоятельство, что почти все основные сведения о древних софистах почерпнуты историей философии только у их яростнейших противников» [11, с. 12]. А также Г.Н. Волков: «Софисты много сделали, чтобы разрушить старое в духовном мире эллинства. Но неверно было бы изображать их только карикатурно и негативно, как повелось с легкой руки Платона» [5, с. 163].

В итоге он делает общий вывод о вкладе софистов в развитие диалектики: «Софисты, разработав субъективную сторону диалектики, показав гибкость понятий, их относительность, их текучесть, взаимопревращаемость, продемонстрировав их неисчерпаемые внутренние возможности, тем самым подготовили ту почву, на которой диалектика в античности достигла высшего расцвета в лице Сократа, Платона, Аристотеля» [5, с. 163]. Гегелевский подход!

Посмотрим наконец уже на знаменитое различие В.И. Лениным эклектики с софистикой от диалектики. По самым известным словам В.И. Ленина: «Всесторонняя, универсальная гибкость понятий, гибкость, доходящая до тождества противоположностей, – вот в чем суть. Эта гибкость, примененная субъективно, = эклектике и софистике. Гибкость, примененная *объективно*, т. е. отражающая всесторонность материального процесса и единство его, есть диалектика, есть правильное отражение вечного развития мира» [6, с. 99]. И второе популярное его высказывание о связи диалектики с софистикой: «Диалектика не раз служила – и в истории греческой философии – мостиком к софистике. Но мы остаемся диалектиками, борясь с софизмами не посредством отрицания возможности всяких превращений вообще, а посредством конкретного анализа *данного*

в его обстановке и в его развитии» [7, с. 6]. Вроде достаточно ясно, но из этого выросли целые полки монографий!

В.П. Кохановский приводит, на наш взгляд, довольно интересный перечень общих черт софистики и эклектики с точки зрения В.И. Ленина. Итак, изложим все максимально кратко: первое – субъективизм; второе – скептицизм; третье – релятивизм; четвертое – «односторонность доходящая до многосторонности»; пятое – схематизм; шестое – абсолютизация принципа историзма; седьмое – фальсификация диалектики абсурдностью; восьмое – иллюзионность аргументации; девятое – эквилибристика терминов; десятое – схоластичность. Такое видение одновременно и любопытно, и спорно.

Можно присовокупить к этому замечание того же Г.В. Карамышева: «Любой эклектик и софист всегда преувеличивает или даже абсолютизирует либо момент изменения вещей, либо момент их покоя, субъективистски наделяя свои понятия, соответственно, либо релятивистской гибкостью, либо метафизической окоченелостью» [2, с. 20]. Общее с диалектикой-релятивизм?

После всего этого необходимо упомянуть, что свое материалистическое видение диалектики В.И. Ленин вывел из идеалистического ее понимания Г.В.Ф. Гегелем. Это уже само по себе парадокс! Мы не будем вдаваться в суть этих различий, отметим лишь очень кратко связь софистики с диалектикой, о которой упоминает сам Г.В.Ф. Гегель. Этот досточтимый и глубокоуважаемый философ в своих «Лекциях по истории философии» писал про софистику: «Эта субъективность мышления носит в свою очередь двоякий характер: она, во-первых, есть бесконечная, соотносящая себя с собой форма, получающая в качестве чистой деятельности всеобщего определенное содержание; она, с другой стороны, есть возвращение духа из объективности в самого себя, так как сознание, рефлектируя об этой форме, усматривает, что полагающим это содержание является мыслящий субъект» [9, с. 6]. Тут требуется небольшой комментарий. Хотя возможно наше понимание будет не совсем верным, но осмелимся кое-что предположить. Допустим такую мысль, будто речь здесь идет о том, что софистика

(субъективность мышления) является и объективной и субъективной одновременно. Таково наше ограниченное заключение. А потом, защищая Горгия, произносит свои самые прославленные сентенции о софистах и диалектике: «Философская истина, следовательно, не есть лишь пустая речь, как будто в чувственном сознании есть другая истина, а бытие действительно таково, каковым выражает его философская истина. Софисты, следовательно, также и диалектику, всеобщую философию, делали предметом своего рассмотрения; и они были глубокими мыслителями» [9, с. 33]. Здесь великий немецкий философ просто фиксирует наличие связи софистов с диалектикой. Однако, это имело огромные последствия в дальнейшем изменении отношения философского сообщества к самим софистам и софистике в целом.

Как широко известно, поворот на вписывание софистов в историю мировой философии начинается как раз с Г.В.Ф. Гегеля. Здесь имеется ввиду его знаменитая триада – тезис, антитезис, синтезис. У Г.В.Ф. Гегеля вся античная философия представляет собой три последовательных стадии развития «мирового духа»: «физиологи» (архэисты) утверждающая диалектика, «антропологи» (софисты) отрицающая диалектика, и «системологи» (акадэмисты и ликеисты) объединяющая диалектика. Таким образом, интересующие нас софисты, занимают по праву принадлежащее им место как необходимое переходное звено между архаикой и классикой.

Подведем некий итог: (1) значит есть софистика древняя и современная (2) древняя софистика оценивалась негативно в истории философии до справедливого вмешательства Гегеля (3) советские авторы находят определенные положительные черты в древней софистике и не видят таковых в современной

Античную софистику или «просветительскую» как и современную или «постмодернистскую» мы рассмотрим каждую в отдельной статье. Осталось сделать выводы по поводу софистики в «ленинской» или «советской» интерпретации. Здесь отметим, что такая оценка оказалась более адекватна чем, та, которая существовала в самой античности. Так произошло, с одной стороны, в силу ее ди-

станционности т. е. невовлеченности в жизнь Греции того периода. А, с другой стороны, в силу высокого авторитета Г.В.Ф. Гегеля. Сами же мы придерживаемся, так сказать, «реабилитирующей» позиции по отношению к софистике, идущей как уже было отмечено от Г.В.Ф. Гегеля.

Уникально о связи диалектики и софистики пишет Борис Сергеевич Чернышев (1896–1944) – известный русский философ, специалист по античной философии и немецкому классическому идеализму, в первой советской монографии «Софисты» (1929): «Появление новых буржуазных отношений связано еще с новым и весьма сложным фактом. Пышным цветком распускается *индивидуализм*. Возникает новая мораль – мораль индивидуума, отрешенного от патриархальных связей» [10, с. 50]. Затем продолжает: «Этот процесс выделения личности из тесных рамок человеческого конгломерата сопровождается уже отмеченным фактом развития мышления. Изменившаяся обстановка требует новых методов для ее осознания. Мысль направляется на новые сферы, не захваченные прежде рефлексией. В силу расширения умственного кругозора она сама становится экстенсивной и интенсивной – гибкой, пластической и острой. В особенности это можно сказать про софистов, «мыслителей по профессии» [10, с. 50]. Выходит на понятие диалектики: «Подъем энергии интеллекта вызывает повышенную деятельность и самосознания. Самосознание не только предполагает предмет – функция простого сознания. В самосознании «Я» противопоставляет себя всему окружающему, громко заявляет о своем существовании. В этом изменении психики сказывается диалектика общественного бытия» [10, с. 50]. И заканчивает: «Личность отстаивает свое право на раскрытие всех сил и способностей, заложенных в ее природе. Но она встречает сопротивление со стороны среды» [10, с. 50]. Здесь очень интересно перемешаны гегелевское и ленинское понимание диалектики!

Также несомненный интерес представляет исследование софистики, произведенное Валентиной Гагикиной Осиповой во второй советской монографии, посвященной софистам «О природе софистики» (1964). Мы приведем пункты ее

рассуждения, указывающие на сходство софистики с диалектикой. Итак: «(а) Софистический способ мышления тоже есть движение в мысли путем оперирования различными и даже противоположными определениями» [11, с. 56]. «(б) Софистика, подобно диалектике, принимая множество оснований, допускает ряд определений» [11, с. 56]. «(в) Софистика, как и диалектика, переходит от одного определения к другому и противоположному» [11, с. 57]. «(г) Внешне и софистика как будто берет конкретную ситуацию» [11, с. 80]. «(д) Софистика как будто включает в себя и деятельность субъекта («практику»))» [11, с. 80]. И дальше: «Внешнее сходство между диалектикой и софистикой во многом обусловлено входящим в них моментом релятивного» [11, с. 57]. И делает заключение: «Софистика – это такой способ рассуждения, которому предпослано принятие релятивности, т. е. относительности, определений мысли. Через принятие релятивности. софистика выглядит как аналог диалектики в области рассуждений» [11, с. 60]. По сути, приведенное здесь, указание на внешнее сходство между софистикой и диалектикой, лишь подтверждает нашу догадку о том, что софистика есть интеллектуальная и парадоксальная (противоречивая) дочь диалектики!

В заключении обратимся к коллективной монографии «История античной диалектики». М.А. Дынник в ней пишет о специфике софистики именно в понимании ее советскими авторами. Это заслуживает внимания. Он дает советскую интерпретацию самого знаменитого Протагоровского тезиса. Итак, смотрим: «Нужно признать, что он имел в виду и действующего человека, преобразующего мир вещей практически. Если это так, то тезис Протагора относится не к вещам вообще, а к человеческим делам, а следовательно, имеет рациональный смысл, ибо преобразуя окружающие его предметы, создавая новые вещи, человек тем самым действительно становится мерой вещей (дел)» [12, с. 138]. Продолжает: «В таком случае знаменитый афоризм Протагора приобретает следующий смысл: человек есть критерий всех дел» [12, с. 139]. А потом резюмирует: «Одна из заслуг Протагора в истории диалектического мышления, надо полагать, состояла в том, что он высказал – пусть туманно и в парадоксальной форме – догадку о диалектике взаимоотношения человека и природы в процессе трудовой

деятельности» [12, с. 139]. Также М.А. Дынник рассуждает о том, что выражаясь ленинскими категориями особенность древней софистики сводилась к «применению ею гибкости понятий и субъективно и объективно» [12, с. 136]. Далее он предлагает еще один интересный для нас тезис: «Софистика как универсальная гибкость понятий, примененная субъективно, переплеталась с диалектикой в античном смысле слова как сопоставлением противоположных взглядов с целью отыскания истины» [12, с. 138]. И подводит итог: «Поскольку Протагор рассматривал природу и общество в их развитии, его учение близко к диалектике Гераклита; поскольку же он сталкивал противоположные, взаимоисключающие суждения, он близок к диалектике Зенона. Эта его близость к двум разновидностям античной диалектики и определяет значение его взглядов в истории древнегреческого диалектического мышления» [12, с. 139]. Отметим сразу, что мы рассматриваем здесь софистику в целом, беря за основание учение Протагора – самого глубокого представителя данного философского течения. Со своей стороны, мы отметим, что согласны с указанным автором в виду того, что учение софистов было в основном построено с одной стороны, на учениях Гераклита и Кратила, а с другой на учениях Парменида и Зенона т. е. на объективной и субъективной диалектике. Можно добавить, что у Кратила, помимо уже указанного Г.В. Карамышевым, наш философ заимствует идею об абсолютизации изменчивости, выраженную его знаменитой парафразой: «в одну и ту же реку нельзя войти не только дважды, но и однажды», по свидетельству Аристотеля. Если говорить о Пармениде, то здесь он взял на вооружение его знаменитое разделение на «путь истины» и «путь мнения». Парадоксальность же взаимоотношений диалектики с софистикой заключается в том, что софистика, будучи порождением диалектики приходит в итоге к отрицанию своих родственных связей с ней, с целью создания нового типа мышления. Собственно, это все и подтверждает нашу гипотезу о том, что софистика является парадоксальной дочерью диалектики!

### *Список литературы*

1. Брутян Г.А. Коренная противоположность диалектики софистике / Г.А. Брутян. – Ереван: Изд-во Ерев. ун-та, 1953. – 77 с.
2. Карамышев Г.В. Неадекватное познание: методологический анализ эклектики и софистики / Г.В. Карамышев. – Саратов: Изд-во сарат. ун-та, 1990. – 116 с.
3. Кохановский В.П. Диалектика против софистики и эклектики / В.П. Кохановский. – Ростов: Изд-во рост. ун-та, 1984. – 152 с.
4. Минасян А.М. Диалектика и софистика (опыт философской дискуссии) / А.М. Минасян. – Ростов: Изд-во рост. ун-та, 1985. – 312 с.
5. Волков Г.Н. У колыбели науки / Г.Н. Волков. – М.: Изд-во ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия», 1971. – 224 с.
6. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Изд. 5. Т. 29. Философские тетради – Конспект книги Гегеля «Наука логики» / В.И. Ленин. – М.: Издательство политической литературы, 1969. – 783 с.
7. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Изд. 5. Т. 30. О брошюре Юниуса / В.И. Ленин. – М.: Издательство политической литературы, 1973. – 562 с.
8. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Изд. 5. Т. 18. Материализм и эмпириокритицизм / В.И. Ленин. – М.: Издательство политической литературы, 1968. – 526 с.
9. Гегель Г.В.Ф. Лекции по истории философии. Кн. 2. 1816–1826. / Г.В.Ф. Гегель. – СПб.: Наука, 1994. – 423 с.
10. Чернышев Б. С. Софисты. 3-е изд. – М.: КомКнига, 2010. – 176 с.
11. Осипова В.Г. О природе софистики / В.Г. Осипова. Акад. наук Арм. ССР. Сектор философии и права. – Ереван: Изд-во Акад. наук Арм. ССР, 1964. – 134 с.
12. История античной диалектики / В.В. Соколов, Б.М. Кедров, М.А. Дынин, Ф.Х. Кессиди, И.С. Нарский, В.Ф. Асмус, Р.К. Луканин, Д.В. Джохадзе, Р.М. Габитова, К.М. Долгов, Ю.П. Михайленко. – М.: Мысль, 1972. – 335 с.